

Никто и подумать не мог, что в Саньфэнью окажется столько зевак. Они сгрудились в Дворике Хуанциюань, буквально наступая друг другу на пятки в нетерпении увидеть, как соблазнитель-мечник и топорник-убийца примутся вести дознание. В подобном столпотворении обыскать что-либо не представлялось возможным. Шао Цзюсяо, оробев перед этой толпой, поспешил увлечь Фэй Цзиня прочь за ворота — на том «верный план мудреца» с треском и провалился.

Шуцин тоже нахмурилась и с глухой ненавистью бросила:

— Вот ведь, сбежались! Хмык! Точно мир без покоя им не мил.

Слова ее прозвучали весьма занятно. Шао Цзюсяо только собрался вставить слово, как Фэй Цзинь без лишних обиняков спросил:

— Отчего же в обитель воительницы Чу волен входить всякий встречный? Наставник говорил мне, что девичьи покои у подножия гор просто так не пускают. Отчего же между благородными девицами и воительницами столь разительное отличие?

Шао Цзюсяо меж тем видел глубже. Чу Цзы приняла страшную смерть, и люди из Саньфэнью, казалось бы, готовы были перерыть весь боевой мир, чтобы поквитаться за нее, устроив несусветный шум в Янчжоу. Однако, вернувшись в усадьбу, они не выставили к ее покоям даже хоть какой-то стражи, позволив всякому сброду околачиваться внутри. Подобное обхождение никак нельзя было назвать обычным.

Неужели и глава Чу позволяет им такую дерзость?

Лицо ученицы помрачнело. Была ли причина в том, что Фэй Цзинь спросил слишком прямо, или в том, что его слова задели какие-то скрытые струны клана — она сперва опешила и лишь после долгого молчания с прискорбием сказала:

— Глава в последнее время занемогла телом, отчего редко вникает в дела ордена, перепоручив заботы тетушке Чу Вань да старшей сестре Чу И. Те двое всегда недолюбливали старшую сестру Чу Цзы. Ныне же, даже издай глава указ, для них не составит труда для виду смириться, а втайне творить свои непотребства.

— Чу Вань и Чу И? — Шао Цзюсяо вскинул брови, изрядно удивившись.

Надо же, эти две посредственности в боевых искусствах, оказывается, успели прибрать к рукам умы людей в Саньфэнью? Да еще и творят подобные бесчинства под самым носом у Чу Жун. Ему-то казалось, что авторитет Чу Жун крепок как скала, но, судя по всему, здешние порядки далеки от монолита.

К тому же эти две госпожи оказались на редкость дерзкими — сами же подбили Фэй Цзиня взяться за сыск. Неужели не побоялись, что они с Фэй Цзинем донесут обо всем увиденном Чу

Жун?

Шуцин, словно угадав его помыслы, негромко покачала головой:

— Стоит нам уйти, как эта толпа вмиг рассосется. Сверху донизу они станут твердить одно и то же, улик у нас нет, так что даже главе будет неудобно устраивать расправу.

Похоже, здешняя глава купалась в лучах славы лишь с виду, на деле же ее понемногу лишали власти. Немудрено, что едва Шао Цзюсяо заикнулся о невинности Фэй Цзиня, как она, переступив через гордость, сразу же обратилась к чужакам с просьбой выяснить, что же привело к смерти её любимой дочери.

Видимо, в некоторых делах у нее самой руки были связаны.

Впрочем, Фэй Цзинь... Шао Цзюсяо скользнул взором по юноше и вновь наткнулся на эти чистые, как горная заводь, глаза, едва не погрузившись в прежнее оцепенение.

Пусть боевое мастерство парня и было великим, но теперь почтенный Шао отчетливо видел: перед ним — чистой души юноша, не искушенный в мирских делах. Он, практически, и понятия не имел о скрытых течениях в великих орденах, да еще и при своем недуге со зрением вряд ли отличал одного человека от другого.

Не вздумай Шао Цзюсяо по наитию предложить свою помощь, молодого воина Фэя и впрямь могли бы опутать речами мать с дочерью, отправив вслед за Бессмертной девой Светлой Луны в могилу.

Отыгрываться на человеке с разумом ребенка — сущая подлость.

А потому Шао Цзюсяо твердо решил: какие бы коварные замыслы ни вынашивали Чу Вань и Чу И, он приложит все силы, чтобы расстроить их планы. Поглядит потом, как они останутся ни с чем, и посмеётся над этим от души.

Благо ветреный воин умел не только цветы срывать, но и клинком разить.

Фэй Цзинь и ведать не ведал о помыслах спутника, да и в тонкостях людского коварства не смыслил, а потому уцепился за то, что показалось ему важным:

— К слову, воительница Шу, неужели воительница Чу проживала в такой огромной обители в полном одиночестве? Неужели при ней не было хотя бы парочки верных служанок?

Шао Цзюсяо изумился:

— Ты смотри-ка, тебе и про служанок известно?

— Ну да. В детстве наставник рассказывал мне истории: при всякой благородной деве непременно находилась верная служанка, а бедный студент таскает за собой книгочея-служку, чтобы им было удобнее любить друг друга.

— ...Да что за сказки тебе наставник на ночь читал?! — Неужели «Западный флигель», где Студент Чжан заигрывал со служанкой Хуннян? Рассказывать ребенку подобные истории перед сном... Наставник Фэй Цзиня, кхм, поистине занятный человек.

Пока они без умолку толковали о своем, Шуцин вновь приуныла. Ей до смерти хотелось растолковать, что фамилия ее вовсе не Шу, но видя, что Фэй Цзинь в этих тонкостях не смыслит, решила смириться с диковинным прозвищем «воительница Шу» — как-никак, все же «воительница».

Что же до того, отчего Бессмертная дева Светлой Луны, будучи дочерью главы и первой старшей ученицей Саньфэньу, осталась без единой служанки, то дело здесь обстояло донельзя просто.

Вся штука была в том, что уникальное боевое искусство «Цветочных кулаков и вышитых ног», благодаря которому Саньфэньу снискал славу в боевом мире и обеспечил себе безбедное существование, изначально ковалось исключительно для дев. Мужчины, конечно, тоже могли освоить здешние формы, да только едва ли им удавалось довести это мастерство до полного совершенства и внутренней гармонии, чтобы попасть в число лучших мастеров.

А потому с самого основания ордена право правления из поколения в поколение переходило к девам. И пусть в уставе не значилось прямым текстом, что зять обязан войти в семью на правах примака, но родись в роду девочка, ей непременно присваивали фамилию Чу и растили с особым усердием, чтобы в будущем она приняла на себя всё наследие Саньфэньу.

Мальчики же мало кого заботили: желали — брали фамилию отца, желали — вольны были отправляться куда пожелают, искать свою судьбу, да обучаться иным боевым искусствам.

У нынешней же главы родилась единственная дочь — Чу Цзы. Поговаривали, едва та явилась на свет, как Чу Жун самолично держала её при себе, растила и с малых лет передавала ей мастерство, не доверив ни кормилицам, ни нянькам, ни служанкам.

Даже Ван Чаоши рассудил, что дочери с малых лет нужно ковать крепкую основу. Боясь, как бы сытая да привольная жизнь не превратила ее в изнеженную госпожу из богатого дома, ее с детства поселили в отдельном уединенном дворике. Чужим вход туда заказан, и лишь супруги день и ночь без усталости подгоняли Чу Цзы, заставляя оттачивать мастерство.

Так что вчерашняя похвала Фэй Цзиня в адрес умений Чу Цзы родилась не на пустом месте. Можно сказать, хоть девице и исполнилось всего шестнадцать лет, но это искусство

«Цветочных кулаков и вышитых ног» она без устали ковала долгие шестнадцать лет, ни на миг не ослабляя рвения. В боевом мире сыскать столь прилежного воина — задача не из легких, так что ее отменная выучка была делом вполне разумным.

Впрочем, выслушав всю подноготную и вспомнив вчерашнее зрелище, когда Фэй Цзинь обратил Чу Цзы в позорное бегство, Шао Цзюся невольно подумал: прилежность Чу Цзы сомнений не вызывала, но вот с талантом природа, видимо, поспешила. Надо полагать, сама Чу Жун в свои шестнадцать лет по уровню мастерства стояла на голову выше дочери.

Благо Чу Цзы была единственной дочерью, и мериться талантом ей было не с кем, так что при благополучном раскладе она бы преспокойно заняла место главы. Не то что Чу Жун в прежние годы, когда родная сестра только и ждала момента, чтобы вырвать у нее заветный трон.

Увы, в жизни, обещавшей быть гладкой и легкой, все же стряслась беда.

Фэй Цзинь тоже изрядно опечалился:

— Только-только обзавелся недругом, и надо же — померла. До чего же некстати! И когда теперь мне суждено довести до ума свой меч?

Шао Цзюся при этих словах хлопнул веером по ладони — неизвестно где он умудрился раздобыть веер, видимо, решил, что таскать в руках длинный Меч Беспутства не с руки. Стоило вести о поражении девицы разнестись по округе, как она тут же таинственным образом рассталась с жизнью — совпадение было слишком удачным.

Все выглядело так... будто злодеи заранее наметили Фэй Цзиня на роль козла отпущения.

Не обладай юноша столь выдающимся мастерством, притащи его сегодня в зал связанным — ему бы и рта раскрыть не дали, вмиг снесли бы голову с плеч, и распрощался бы с жизнью, так и не поняв, за что принял смерть.

— Понимаешь, к чему все клонится, молодой воин Фэй? — сообразив какую-то скрытую зацепку, ветреный мечник расплылся в улыбке и кончиком веера поддел подбородок Фэй Цзиня с самым что ни на есть легкомысленным видом. Жаль только, Фэй Цзинь не был стыдливой девицей из книжек, что вмиг заливадается краской, — он лишь послушно задрал голову:

— Клонится к тому, что они только и ждали этого дня?

О как! Шао Цзюся цыкнул языком: выходит, этот юнец вовсе не так глуп, как кажется.

Верно, кончина Чу Цзы никак не могла быть случайностью или внезапным порывом, кто-то заранее выстроил хитрый план и подждал удобного часа. И пусть говорят, что без совпадений

и историю не сложишь, но эти истории, как ни крути, пишутся людской рукой.

А раз план строился заранее, следы непременно должны остаться. В этом мире никому не под силу обрубить концы так, чтобы не осталось ни единой зацепки.

Что ж, пришло время сойтись лицом к лицу с этим предусмотрительным сочинителем.

Шао Цзюсяо вмиг переменял тон и с улыбкой уставился на Шуцин. Когда красивый да ветреный мастер меча столь пристально смотрит на девушку, никто не мог устоять перед его чарами. Однако сегодня его чары не сработали.

На лице Шуцин проступило отвращение — самое что ни на есть чистое, лишённое той девичьей смятенности, когда и слава парня пугает, и наружность манит. Воительница Шу смотрела на него как на редкостную пакость, с которой и говорить-то лень.

Слегка сникший Ночной Демон был вынужден убрать свою браваду и всерьёз расспросить, каков был нрав у старшей сестры и как к ней относились в усадьбе.

Стоило зайти речи о Чу Цзы, как Шуцин приуныла.

В ее памяти старшая сестра осталась самой первой девой на свете — никто не мог сравниться с ней ни красотой, ни благонравием, ни кротостью, ни щедростью к беднякам, ни заступничеством за обиженных, ни...

Словом, все похвалы, какие только могли прийти на ум Шао Цзюсяо и Фэй Цзиню, были сотканы в один венок для Чу Цзы.

Фэй Цзинь не увидел в этом ничего из ряда вон: на его взгляд, Чу Цзы, если не считать ее диковинного пристрастия к одеждам да цветам, и впрямь была девушкой недурной. Впрочем, в Саньфэнь у всех со вкусом было из рук вон плохо, так что требовать от выросшей здесь воительницы утончённого вкуса не приходилось.

К слову сказать, этот вопрос давно не давал ему покоя:

— Отчего же вы все как одна облачаетесь в розовое, да еще и цепляете на себя столько цветов?

— Что до розового... — Шуцин и сама от него восторга не испытывала. Но она пришла в орден поздно и лишь слышала от старших, что в прежние поры Саньфэнь у не тонул в розовом мареве, каждый волен был носить одежды по сердцу, лишь бы рамки приличий не переступить.

А затем, лет десять назад, главе этот цвет чем-то приглянулся, и она непреклонно приказала всем облачиться в розовое.

Не все покорились этому указу. Особенно мужи-ученики: не сумев переломить волю главы, они покинули Саньфэнь и подались в иные ордена.

Впрочем, мужей в Саньфэнь издавна было наперечет, и верхушка мало заботилась об их уходе. Девы же, пусть и ворчали, что привязаны к одному цвету, но примириться с розовым было делом нехитрым — к тому же дома, без свидетелей, они вольны были носить что угодно. Так постепенно и прижился обычай: вернулся в орден — надевай розовый халат. Теперь это стало приметной чертой усадьбы.

А вот с цветами дело обстояло совсем иначе! При упоминании о них Шуцин так и воспряла духом, с гордостью заявив:

— Эти цветы не всякому носить дозволено! — Оказывается, размер да число бутонов служили мерилем их положения и заслуг, и цеплять их без разбору возбранялось.

Зеленый новичок, едва переступивший порог, волен был носить лишь одну розу. По мере роста мастерства да лет службы бутоны добавлялись один за другим. И лишь лучшие, самые выдающиеся ученики современности удостоивались чести носить семь цветов в знак своего высокого сана.

Бессмертная дева Светлой Луны до самой кончины оставалась единственной семицветной ученицей, вызывая всеобщую зависть.

Сама же глава носила девять цветов.

Молодой воин Фэй просветлел лицом, и в голове его невольно всплыло вчерашнее приключение. Гуляя по Янчжоу, он набрел на одно приметное место, которое прохожие нарекли обителью продажной любви, сплошь состоящей из веселых домов да притонов. Девы там тоже, как одна, питали слабость к цветам.

А у ворот того заведения, мимо которого он шествовал, стояла пожилая сводня, зазывавшая гостей, так у той и вовсе вся макушка была утыкана цветочными ветвями.

«Выходит, обилие цветов — знак великого боевого мастерства!» — осенило юношу. Он приободрился и, ухватив Шуцин за руку, принялся допытываться:

— Слушай, там находится место под названием «Ихуньюань» (Бордель «Утехи в алом»). Неужели местные девы все искусны в боевых искусствах? Особенно та, что постарше, которую все зовут «матушкой». Кажется, ее зовут Лаобао — наверняка она владеет боевыми искусствами лучше всех! Мне непременно нужно туда сходить!

Пока Шуцин с руганью и ударами не выставила его прочь, Фэй Цзинь так и не понял, отчего у подножия гор люди столь скоры на расправу. Неужели разозлилась оттого, что услышала о

мастерах, превосходящих ее умением?

А ни в чем не повинный похититель сердец лишь воздел глаза к небу с глубоким вздохом:

— Истинно, из века в век земля рождает таланты, и каждый ведет за собой эпоху... — Он почувствовал, что стареет. Отныне этот боевой мир будет принадлежать Фэй Цзиню.

Если, конечно, тот доживёт до старости, а не сгинет по дороге.

Солнечные часы не станут замирать из-за чьих-то жизней или смертей. Золотое светило, как водится, покатилося к закату, вечерние тучи наплыли со всех четырех сторон, окутав усадьбу Саньфэнью вместе с необъятным озером Шоусиху кромешной, чернильной тьмой.

В эту ночь ни луна не светила, ни ветер не гулял.

Самое время не для любовных речей, а для убийств да поджогов.

Подворье, что семейство Чу отвело Фэй Цзиню с Шао Цзюсяо, дышало полным уединением. Стоило зажечь свечи, как за оградой смолкли последние отголоски мирской суеты. Деревья да цветы в саду раскинули свои ветви, и когда налетал легкий ветерок, в их колыбании чудился чей-то приглушенный шепот. Но стоило прислушаться внимательнее — лишь шуршала листва, нагоняя тоску.

В гостевых покоях.

Фэй Цзинь еще на горе привык рано ложиться на закате и вставать чуть свет. Омыв лицо, он задул свечу и устроился на постели, скрестив ноги. Сегодня он еще не успел прогнать дыхание по внутренним каналам, иначе едва его голова коснулась бы подушки, как он погрузился бы в глубокий сон до самого утра.

Человек, в чьем сердце нет места тревогам и заботам, никогда не страдает от бессонницы, да только в этом мире тех, чья душа полна печалей, всегда в разы больше.

Оставим в стороне вопрос о том, сколько людей в эту ночь ворочались с боку на бок в стенах Янчжоу, но в покои молодого воина Фэя — этого едва ступившего на стезю врага всего боевого мира, пожаловал незванный гость, из тех, что любят под покровом ночи наведываться к девичьим расшитым ложам.

Среди глубокой тьмы Шао Цзюсяо, облаченный в свое приметное алое одеяние, легкой птицей опустился на подоконник Фэй Цзиня, да только нога его соскользнула, и он с глухим «плюх!» со всего маху влетел прямо в медный таз с водой, наделав немало шуму.

Пока он в суматохе выбирался оттуда, вода окатила его с головы до пят, а изрядный глоток, пожалуй, попал и в рот. «Хоть бы это была не вода для мытья ног Бессмертной девы», — отрешенно подумал он.

Фэй Цзинь резко вскочил на постели и, вскинув свой верный меч, грозно прикрикнул:

— Кто здесь?!

Уши его уловили лишь едва слышный стон, а в крошечной тьме комнаты некая жуткая бесформенная груда медленно росла и вытягивалась ввысь, и капли кроваво-красной воды глухо падали на пол, совсем как у мстительных призраков из страшных историй.

Неужели он успел нажить себе врагов даже в загробном мире? Наставник как-то позабыл упомянуть, можно ли оттачивать мастерство меча, шинкуя привидений.

Постойте-ка, а цвет этого злобного духа... отчего он кажется столь знакомым?

— Сяо Хун?

Ночному Демону, господину Сяо Хуну, в эту минуту меньше всего на свете хотелось признавать, что этот утопленник — он сам. Он готов был в эту же секунду выпрыгнуть обратно в окно и сделать вид, будто его здесь вовсе не было. Надо же было, с такой посредственной легкостью шага полететь в окно — никогда прежде ведь такими непотребствами не занимался!

В прежние времена этот человек, сжимая в руке меч, с гордо поднятой головой шествовал через парадные двери напрямик в покои красавиц, да еще и цеплял на кончик клинка цветок, отчего девы то любили его до беспамятства, то ненавидели, но противиться чарам были не в силах.

Фэй Цзинь меж тем уже радостно слетел с постели и принялся подпирать его под локоть:

— Ты что, пить захотел? Так ведь нельзя же пить воду для умывания, она нечистая!

Ох, к счастью, это была всего лишь вода для лица Фэй Цзиня.

...Хотя постой, чем вода для лица лучше-то? Ее ведь тоже пить не следует! И вообще, молодой воин Фэй, ты сейчас с самым серьезным видом подпираешь стойку для таза, а вовсе не меня, будь добр, не разговаривай с деревяшкой.

Шао Цзюся со вздохом переложил руку Фэй Цзиня на свое плечо, силясь сохранить невозмутимый вид, будто и не сидел минуту назад в тазу:

— Я не хочу пить и явился сюда вовсе не за водой. Мне бы хотелось просить почтенного воина прогуляться со мной.

Раз уж при свете дня из-за обилия лишних глаз и ушей вести сыск было неудобно, следовало воспользоваться ночной порой для повторного осмотра. Таков и был изначальный замысел Шао Цзюсяо.

Да только теперь он был мокрый с головы до пят, к тому же вовремя вспомнил, что из-за своего недуга Фэй Цзинь и днем-то человека от собаки не отличит, а уж в безлунную и беззвездную ночь и вовсе превратится в слепца.

Ему и вовсе не стоило заходить к Фэй Цзиню, по правде говоря, куда надежнее было бы разведать все в одиночку. Просто стоило ему переступить порог своих покоев, как ноги сами собой свернули куда надо, увлекли на чужой подоконник, да еще и привели к позорному падению.

Видимо, это и есть то самое затмение рассудка — во всем виновата луна, которая так некстати скрылась за тучами.

Фэй Цзинь и ведать не ведал о тех сложных и противоречивых чувствах, что одолевали Шао Цзюсяо. Он был до глубины души тронут тем, с каким усердием Сяо Хун силится отыскать истину ради него, а потому поспешно ухватил полотенце и принялся сушить ему волосы. Вот только тер он уже довольно долго, а ощущение под пальцами было какое-то странное.

Отчего же шевелюра великого мастера из поднебесья на ощупь так напоминает полотно?

Шао Цзюсяо с каменным лицом созерцал, как Фэй Цзинь скрупулёзно выжимает и крутит полог его собственной кровати: «Будь проклята эта луна».

— Идем, — в конце концов он испустил долгий вздох и мягко отвел руку юноши в сторону. Полог кровати ни в чем не виноват, нечего его терзать.

Фэй Цзинь хоть и пребывал в некоторой заспанности, но послушно последовал за спутником, лишь негромко спросив:

— Мы держим путь в обитель воительницы Чу? Неужели и ночью там никто не караулит? — Если злодей и впрямь труслив как вор, вряд ли он расслабится с наступлением темноты.

Шао Цзюсяо кивнул:

— Оттого-то мы и не идем в Дворик Хуанциюань, — помедлив, он терпеливо наставил юношу: — А ну-ка, возьми меня за руку. Ты ведь ничего не видишь во тьме, как бы лоб не расшиб.

Впервые за все двадцать лет жизни Фэй Цзинь сжал ладонь человека, который не был его наставником.

В детстве из-за врожденного недуга со зрением походка его всегда была шаткой, он то и дело спотыкался да падал. Шэнь Кунмин, при всей своей лености, в такие минуты неизменно хватал его за руку, и учитель с учеником не спеша брели вперед.

Будь впереди острые камни, холмики или даже внезапно перебегающая дорогу белка — пока наставник был рядом, он всегда крепко удерживал его от падения.

В памяти Фэй Цзиня облик учителя навек остался величественным и высоким, а ладонь — широкой и надежной, дарующей маленькому ребенку полное прибежище и покой. Одно лишь смущало: из-за перенесенного когда-то тяжелого ранения тело наставника всегда хранило прохладу.

Даже в самый жаркий летний зной, когда солнце пекло нещадно, тот муж никогда не покрывался потом, оставаясь на ощупь подобным куску холодного нефрита, не впитывающему земное тепло.

Ладонь Шао Цзюсяо тоже была крупной, с длинными и сильными пальцами, но от нее веяло живым, густым теплом, отчего руке Фэй Цзиня даже сделалось малость горячо. И пусть перед взором расстилалось лишь смутное марево, юноша отчетливо чувствовал на подушечках чужих пальцев жесткие мозоли — след долгих лет владения мечом, что оставляли ощутимые шероховатые отметины на коже.

И пускай с великим воином Сяо Хуном они познакомились недавно, Фэй Цзинь чувствовал, что под его началом шагает в полной безопасности, и каждый шаг его был тверд.

«Видимо, это и зовется "сойтись с первого взгляда, словно старые друзья"», — подумал он. — «Интересно, когда он доведет до совершенства свой удар «один шаг — одна смерть», можно ли будет превращать поверженных врагов в приятелей? Ну, Сяо Хун человек душевный, он непременно согласится».

Фэй Цзинь редко позволял себе отвлекаться, но когда мысли его вернулись к яви, они оба уже стояли перед главным залом Саньфэнью.

Тут-то он и понял, к чему клонил Шао Цзюсяо: тот вознамерился воспользоваться часом, чтобы осмотреть тело Чу Цзы.

В главном зале свечи не тушили — во всей усадьбе Саньфэнью в этот час, пожалуй, лишь здесь еще теплился свет. Должно быть, справляли обряд первых семи дней и, боясь, как бы душа Чу Цзы не сбилась с пути к родному дому, затеплили огни и несли вахту.

Черный, громоздкий гроб покоился прямо посреди зала, и в окружении сплошного розового убранства это зрелище казалось куда более жутким, нежели привычное траурное черно-белое сочетание.

У входа в зал несли стражу двое учеников в розовых одеждах, на чьих головах красовалось по пять мелких цветков. Вид у них был заспанный, и глаза то и дело слипались сами собой.

Шао Цзюсяо не принимал всерьёз пятицветных учеников. Будь на их месте сама Чу Жун, ему, пожалуй, пришлось бы как следует подумать, а с этими двумя и говорить не о чем — пустил в каждого по мелкому камушку, и те вмиг повалились на ступени, погрузившись в глубокий сон.

Убедившись, что в зале более ни души, он увлек Фэй Цзиня внутрь. Они подошли напрямиком к гробу и, встав по обе стороны, принялись тщательно разглядывать усопшую.

Конечно, на взгляд Шао Цзюсяо, Фэй Цзинь присутствовал здесь без всякого толку — лишь бы саму крышку гроба с Чу Цзы не перепутал, и на том спасибо.

— Сперва поглядим, нет ли на теле воительницы Чу каких внешних повреждений?

Шао Цзюсяо покачал головой:

— Почтенный Ван в одном был прав: Бессмертная дева Светлой Луны — девица из приличного дома, и если двое взрослых мужей примутся без разбору срывать с нее одеяния, это выйдет дурно. — А главное, он доподлинно знал, что никаких внешних ран на Чу Цзы нет.

Ведь случись там хоть малейший след от меча, сабли, топора или тайного оружия, супруги Чу ни за что бы его не проглядели.

Раз уж они оба в один голос твердят о загадочной кончине, то с наибольшей вероятностью здесь замешан яд, а значит, на теле улики искать без толку.

...Хотя постойте, не обязательно.

Брови Шао Цзюсяо едва заметно дрогнули, и он обратился к спутнику:

— Молодой воин Фэй, распусти-ка прическу воительницы Чу да пощупай хорошенько среди волос, не завалилось ли там какого чужеродного предмета. — В пору своих скитаний по боевому миру он краем уха слышал об одном стародавнем деле, когда злодей лишил человека жизни, вогнав ему в череп длинный гвоздь. Окружающие тогда не сумели отыскать рану и сочли смерть несчастным случаем.

Лишь оттого, что в ту пору стояла сильная жара, скрытая в волосах рана привлекла тучи мух

да комаров, что и возбудило подозрения родни, позволив делу наконец выплыть наружу.

И пусть тот убийца не ушел от погони, но способ убийства посредством длинного гвоздя в череп получил широкое хождение. Людям из боевого мира стоило лишь сделать шаг вперед и применить снадобья, отваживающие насекомых от раны, чтобы сотворить убийство, практически, без единой зацепки.

Простым обывателям такое не под силу, но для людей из боевого мира раздобыть подобное зелье — пара пустяков

— А? Ох, ладно, — Фэй Цзинь сути не уловил, но послушно подошел к изголовью Чу Цзы. Шао Цзюся же переместился к ее стопам, вознамерившись осмотреть подошвы ног. Помимо гвоздя в череп, среди любителей тайных козней немалым почетом пользовался способ убийства серебряными иглами в стопы.

Вот только подошвы ног — это вам не макушка, густыми волосами их не прикроешь, так что при замахе требовалось соблюдать крайнюю осторожность.

Шао Цзюся снял с Чу Цзы расшитые туфли, затем аккуратно стянул чулки, обнажив пару белых, аккуратных, будто выточенных из нефрита ножек. Он малость удивился: по стопам Чу Цзы сразу было видно, что перед ним — мастер, приученный работать ногами. Мышцы здесь были развиты куда сильнее, чем у обычных дев, и дышали недюжинной мощью.

Впрочем, очертания стопы оставались изящными, нимало не умаляя славы первой красавицы Янчжоу. Эта мускулатура казалась не изыском, а скорее изысканным украшением.

Шао Цзюся хоть и слыл ветреником да ценителем женской красоты, но меру знал и не стал бы распускать руки в неподходящем месте, а потому лишь с великим тщанием обследовал подошвы усопшей, не пропустив даже зазоры между ногтями. Увы, ни следов от игл, ни каких-либо иных подозрительных отметин не обнаружилось.

Он вернул обувь с чулками на место и решил поглядеть, удалось ли Фэй Цзинь что-нибудь нащупать. Подняв взор, он обомлел: Фэй Цзинь едва ли не по пояс залез внутрь гроба, представ в таком виде, словно похотливый демон вознамерился покуситься на тело покойной девы.

Кхм-кхм, благо он твердо знал, что Фэй Цзинь не из таких — парень попросту ничего не видел.

Фэй Цзинь меж тем и не думал распускать прическу Чу Цзы, а лишь заворуженно созерцал красовавшиеся на ней семь цветков. Эти самые семь роз сегодня поутру покоились на груди Чу Цзы, и неизвестно чьей заботливой рукой их вновь водрузили ей в волосы.

В ночном дуновении семь мелких бутонов едва заметно колыхались. Чу Цзы мирно покоилась в своем ложе, и красота ее в эти минуты казалась еще более грозной и чарующей, нежели при

жизни, — глаз не оторвать. Может, всему виной были розовые одежды, но на ее щеках даже проступал едва заметный румянец.

Фэй Цзинь придвинулся совсем вплотную, едва не касаясь лицом ее длинных, загнутых ресниц, и в полном недоумении изрек:

— А мне все равно кажется, что она жива. Гляди, лицо у нее до сих пор румяное, будто живая.

Шао Цзюсяо ухватил Фэй Цзиня за воротник и потянул наверх. Он прекрасно понимал чувства мужей, которым при виде красавицы хочется, чтобы та была живой и дышала, однако...

— Сердце ее молчит, дыхание пресеклось, и даже остатки тепла покинули плоть — она мертва окончательно и бесповоротно. А багрянец этот — всего лишь игра свечного пламени. Взгляни, при таком свете ее руки тоже кажутся малость порозовевшими.

— Вот оно как? — Фэй Цзинь почесал макушку. Сяо Хун во всем знает толк, и раз Сяо Хун говорит, что дело в свечах, получается, так оно и есть.

Шао Цзюсяо самолично распустил волосы Чу Цзы и с великим усердием ощупал всю кожу на голове, однако ни гвоздя, ни иных подобных предметов так и не выявил.

Он смутно пробормотал под нос:

— Неужели и впрямь отравы?

Тонкая, длинная серебряная игла едва заметно провернулась в пальцах возле самого свечного фитиля. Мужчина, удерживающий иглу, привалился к краю гроба и сосредоточенно впился в нее взглядом. Острие иглы отливало холодным блеском, но цвет его оставался первозданным.

Фэй Цзинь за его спиной то и дело вытягивал шею:

— Ну как там, Сяо Хун?

Шао Цзюсяо покачал головой:

— Цвет прежний. — Впрочем, то, что серебро в теле не почернело, еще не означало, что Чу Цзы избежала отравления. Вполне могло стать, что злодеи пустили в ход редкий яд, перед которым серебряная игла бессильна.

Ночной Демон принялся перебирать в уме, какие из известных в боевом мире диковинных ядов способны повлечь за собой столь мирную смерть без малейшего изъяна, однако все

знаменитые отравы из его памяти так или иначе вызывали приметы, которые с нынешней картиной никак не вязались.

Тут уж даже вечно беспечный и ветреный мастер меча посерьезнел лицом — явись в поднебесной столь грозное зелье, боевой мир неизбежно захлестнет новая волна кровавой резни.

Эх, какая жалость, что добытая им в прошлый раз в южных чумных лесах противоядная жемчужина не находилась при нем, иначе можно было бы учинить еще одну проверку.

Раз уж тело Чу Цзы не дало никаких зацепок, оставалось лишь одно — пробираться в Дворик Хуанциюань, где она проживала. Мешкать не стоило, благо ночь обещала быть долгой.

Шао Цзюсяо уже увлек за собой Фэй Цзиня к выходу, но молодой воин Фэй то и дело оглядывался на гроб, отчего почтенный Шао невольно подумал, что юноша пленился покойной красавицей. Ну что ж, усопшая дева — всё равно дева, смерть не отнимает у неё стати.

Молодые люди — он это понимает.

Однако торчать посреди ночи у гроба было все же верхом неуважения к усопшей, и Шао Цзюсяо только собрался присоветовать Фэй Цзиню воротиться завтра, как вдруг услышал его полное недоумения бормотание:

— Сяо Хун, а ведь у воительницы Чу не только щеки рдеют, у нее и губы будто бы ярче, чем днем были. Да и брови... форма у них какая-то не такая.

— С какой стати?

Шао Цзюсяо весьма сомневался, что этот очаровательный и простодушный слепец способен хоть что-то разглядеть, однако будучи на редкость мягким и обходительным ценителем прекрасного, он ни за что не стал бы грубо перечить красивому молодому воину. А потому лишь увлек Фэй Цзиня обратно к гробу, вознамерившись еще разок растолковать, что все это — проделки коварного свечного пламени.

Но стоило ему самому взглядеться в лицо усопшей, как Шао Цзюсяо и сам почувствовал неладное.

Поначалу он весь отдался расспросам о причинах кончины Бессмертной девы Светлой Луны, отчего внимание его было приковано к подошвам ног да макушке — местам, которые легче всего упустить из виду. Теперь же, с подачи Фэй Цзиня, он взглянул на лицо Чу Цзы и вмиг приметил странность.

Пусть свет огня и был тусклым, но щеки Чу Цзы и впрямь алели девичьим румянцем, губы казались сочными, будто спелые ягоды, а брови из утренних блеклых черточек превратились в

искусно выведенные изящные полумесяцы. Если принюхаться, от тела исходило тонкое благоухание.

Вот только к этому аромату примешивалось нечто диковинное, отчего на душе становилось как-то приторно и муторно.

Фэй Цзинь вцепился в край гроба и, точно боясь пробудить спящую в нем деву, прильнул к самому уху Шао Цзюся, прошептав:

— Гляди, а ведь она как будто с каждым мигом выглядит все краше и живее?

В подобном месте и при таком шепоте от этих слов веяло той самой жуткой, колдовской красотой, какая бывает в старинных пьесах вроде «Пионовой беседки», когда Ду Линян восстает из могилы.

Шао Цзюся, однако, лишь покачал головой:

— Вовсе нет. Просто кто-то наложил ей румяна и белила.

Когда днём толпа покинула зал, кто-то втихомолку пробрался сюда и накарсил лицо Янчжоуской первой красавицы, превратившейся в бездыханный труп.

Белила ровным слоем легли на лицо, шею и даже кисти рук, скрывая трупные пятна, которые неизменно проступают на теле усопших. Но одни лишь белила делали лицо слишком блеклым, и неизвестный мастер, видимо, остался недоволен, а потому аккуратно нанес на щеки Чу Цзы тончайшие румяна, мягко растушевав их, чтобы вернуть деве тот цвет, каким она блистала при жизни. После чего при помощи сурьмы вывел тонкие полумесяцы бровей и тронул губы помадой — той самой, что Бессмертная дева Светлой Луны предпочитала больше прочих.

Вся личина была выписана столь искусно, что усопшая казалась столь же блистательной, как и прежде.

— Должно быть, этот человек без памяти любил ее, раз пожелал сохранить ее былую красоту, — со вздохом обронил Шао Цзюся. «не отговаривай людей от глубокой любви — а о верности до смерти пусть судят другие»... Муж и дева в этом мире, которые придают слову «любовь» слишком великую цену, чаще всего и оказываются не в силах пережить это испытание.

Фэй Цзинь, не знавший наставнического «Чем больше в человеке чувства, тем более блёклыми они становятся», разумеется, не осознал и этого вздоха Шао Цзюся, зато усвоил главное:

— Кто-то наложил ей румяна? А ведь с виду и не скажешь, точно воительница Чу сама по себе расцвела. До чего же великое мастерство — эти ваши румяна да белила!

Не успел он договорить, как почувал, что Шао Цзюсяо резко повернул голову и воззрился на него так, словно узрел диковинную зверушку.

Едва начавший странствовать воин Фэй малость смутился:

— Я что-то не то сказал?

— Нет, — Шао Цзюсяо пребывал в смятенных чувствах. — Ты сказал не «не то», ты угодил в самую точку. — Будь тот, кто наводил красоту Чу Цзы, влюбленным в нее человеком, ему ни за что не удалось бы сотворить столь естественное лицо.

Взгляните на этот точеный изгиб бровей, на эти румяна, легшие столь мягко, точно то был природный цвет лица, на безупречные белила и на помаду, наложенную по самой последней моде. Мужчина, никогда прежде не державший в руках белил, не сработал бы так гладко.

Тайком пробраться к гробу Чу Цзы и навести ей красоту могла только женщина.

— Может, то была глава Чу? Она ведь души не чает в своей дочери, — Фэй Цзинь не видел причин для изумления спутника. Он смотрел в корень просто и прямо, частенько выхватывая саму суть дела, хоть сам того и не понимал.

— Исключено. Будь то глава Чу, ей незачем было бы таиться, да и дожидаться окончания утренней суматохи, чтобы обрядить любимое дитя, ей тоже было ни к чему.

А значит, наложить румяна могла лишь дева, что таила в сердце некую скрытую мысль, которую не смела явить миру.

И находилась она прямо здесь, в стенах Саньфэнью, укрывшись за спинами любопытных зевак и втихомолку созерцая все происходящее.

Шао Цзюсяо не стал более медлить. Сколько бы стражников ни караулило Дворик Хуанциюань, ему во что бы то ни стало нужно было осмотреть это жилище Бессмертной девы Светлой Луны. Там непременно должно было остаться хоть что-то, пускай даже мелкие ниточки да зацепки.

К их великому удивлению, у ворот Дворика Хуанциюань преграды не обнаружилось.

Ночной Демон опустил взор к земле: судя по глубине оставленных следов, несколько человек довольно долго топтались на этих местах, причем ушли они совсем незадолго до их появления. Вот только убрались ли они по своей воле или... понять было невозможно.

Как бы то ни было, это изрядно облегчило задачу Шао Цзюсяо, чья легкость шага оставляла желать лучшего, и Фэй Цзиню, который хоть и прыгал высоко, но в ремесле ночных воров не

смыслил ровным счётом ничего. Они без лишних церемоний распахнули тяжелые двери опочивальни Чу Цзы и прошествовали внутрь.

Стоило им переступить порог, как в нос ударил густой аромат.

Аромат этот был столь тяжелым, что от него невозможно было отмахнуться. Поначалу Шао Цзюсяо даже принял его за какое-то одурманивающее зелье, а потому сработал на редкость прытко: затаил дыхание, стремительно крутанулся на месте и ладонью запечатал рот и нос Фэй Цзиня.

Вся связка движений вышла гладкой да слитной — видимо, в прежние поры, навещая покои красавиц, он проделывал этот фокус не раз и не два.

Фэй Цзинь же лишь таращил на него глаза, думая про себя: «Надо же, Сяо Хун недавно так красиво крутанулся, но отчего он дышать мне не дает?»

В конце концов, не почувяв ни малейшего головокружения, Шао Цзюсяо понял, что перед ними — самые обычные благовония, без всяких тайных примесей. Вот только запах был на редкость приторным и до того низкосортным, что уступал, пожалуй, даже той дешевой пудре, которой торгуют вразнос на уличных лотках по три медяка за коробку.

От этой вони тошнило.

Вспоминая безупречное лицо Бессмертной девы Светлой Луны и стоящий за ее спиной богатый орден Саньфэнью, никак невозможно было связать эту красавицу с таким убогим вкусом. Конечно, если не считать роз на макушке да розовых халатов — то была воля ордена, а Чу Цзы, будучи родной дочерью главы, не могла, подобно строптивым ученикам-мужчинам, податься в иные края.

Но... если этот запах и впрямь был ей любезен, выходит, личный вкус Чу Цзы тоже оставлял желать лучшего.

Подгоняемые этой удушливой вонью, Шао Цзюсяо с Фэй Цзином вынуждены были поторапливаться с обыском, чтобы ненароком не угореть.

К счастью, здешнее убранство оказалось куда проще, нежели они предполагали.

Вопреки пышному и крикливому великолепию самого ордена, обстановка в покоях Чу Цзы дышала скромностью. Повсюду обретались лишь самые обычные девичьи вещицы, и убранство это не то что рамки приличий не переступало — оно уступало даже жилищу госпожи из небогатой семьи.

Припоминая речи Шудин о том, какие надежды возлагали супруги на Чу Цзы, можно было

рассудить: в своей недолгой жизни эта дева только и делала, что ковала боевое мастерство — тренировки, тренировки и еще раз тренировки, без малейшей передышки на забавы да игры.

Само собой, ей недосуг было тешиться тем, чем обычно тешатся молодые девы.

Однако, вопреки крайней скудости самой комнаты, сундук с одеждой Чу Цзы ломился от неслыханной роскоши.

И пусть все платья оставались неизменно розовыми, но обилие их фасонов, изысканность скрытых узоров да сложность слоев говорили о том, что над каждым таким нарядом искусные мастера трудились не меньше трех месяцев. А ведь в сундуках Чу Цзы всякая вещь блистала подобным великолепием!

Представьте только Бессмертную деву Светлой Луны, шествующую в таких одеждах по Янчжоу, — зрелище столь ослепительное, что прохожие, практически, и не знали, на одеяния им взирать или на саму деву. Облачись в такое платье даже самая заурядная девица, она вмиг расцвела бы, прибавив три доли к своей красоте.

Вот только отчего столь пышные одежды соседствовали с такой убогой обстановкой? Неужели в душе хозяйки крылся глубокий разлад?

Или же эти наряды были лишь откупом со стороны родителей, не отражая ее собственного сердца.

— Ого, ну и дух! — Фэй Цзинь впервые в жизни видел сундуки с девичьими платьями, а потому выказал великое любопытство и сунул туда нос, едва не свалившись с ног от ударившей вони.

Запах этот был прямо как тот, что встретил их у порога, разве что чуть блеклее, но стоило придвинуться поближе, как он обрушивался всей своей мощью.

Это ж... если Бессмертная дева Светлой Луны изо дня в день носила платья, которые от аромата едва не смердели, вряд ли кто-то по доброй воле желал к ней приближаться?

Молодой воин Фэй порылся в памяти: во время вчерашней потасовки он вроде ничего такого не учуял... Хотя нет, пожалуй, запах все же был, просто до этого Фэй Цзинь нанюхался припрятанных грязных носков с заначками, отчего нюх его притупился и благоухание Чу Цзы прошло незамеченным.

Теперь же, оглядываясь назад, он припомнил: смутно, но пахло именно так.

Дворик Хуанциюань был просторным, но поскольку Чу Цзы проживала тут одна и даже служанок не держала, многие комнаты пустовали, и вся ее жизнь протекала именно здесь.

Однако, кроме удушливого запаха, мужчины не выявили никаких ценных улик. Опочивальня Чу Цзы была просторной и строгой, вещей — наперечет, и кроме груды роскошных платьев да диковинной вони, здесь не нашлось даже каких-то ювелирных украшений.

Шао Цзюсяо питал слабость к красавицам и доподлинно знал, что большинство дев в поднебесной с великой радостью собирают изящные и дорогие побрякушки — он и сам не раз подносил девам модные украшения ради их благосклонности. Однако Бессмертная дева Светлой Луны, видимо, из-за обычая ордена мерить сан цветами в волосах, не имела места для иных шпилек, а потому и вовсе не заботилась о сборе побрякушек.

Ни следов потасовки, ни следов борьбы, вообще ничего подозрительного. Даже если убийца заметал за собой следы, невозможно было выскоблить все столь чисто. Что же это за...

— Кто здесь?! А ну выходи! — посреди этих раздумий Фэй Цзинь вдруг резко обернулся к ширме из зелёного шёлка и негромко прикрикнул.

Там кто-то есть?

Шао Цзюсяо нахмурился и тоже вскинул взор. За ширмой неизвестно, когда возникла смутная тень. Подстегиваемая окриком Фэй Цзиня, оттуда неторопливо выплыла дева. В блеклом свете свечи она вскинула голову, явив миру на редкость зловещую улыбку, — но лицо ее в точности повторяло черты покойной Бессмертной девы Светлой Луны.

<http://bllate.org/book/17303/1731794>